

А.В.Рябов

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ И ИСТОРИЧЕСКИХ РАЗВИЛКАХ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОМУ ОБЩЕСТВУ

Андрей Виленович Рябов — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН (ИМЭМО РАН). Для связи с автором: andreyr@imemo.ru.

Аннотация. Статья посвящена обзору основных экономических, социальных, политических и культурных проблем и противоречий, возникающих в процессе перехода к цифровому обществу. По оценке автора, транзит этот носит цивилизационный характер, затрагивая не только экономику и социальные отношения, но и образ жизни, систему ценностей и мировосприятие большинства жителей планеты.

В статье показано, что, как и в любую иную переходную эпоху, в условиях современности новые проблемы переплетаются со старыми, усиливая конфликты в обществе и порождая неопределенности в отношении будущего. Экономика «капитализма цифровых платформ» оказывается гораздо более монополизированной, чем капиталистическая экономика XX столетия. Цифровые монополии становятся реальными конкурентами правительств, и есть основания полагать, что развернувшаяся между ними борьба за власть в конечном итоге завершится сращиванием мощи государства с экономическим и интеллектуальным потенциалом цифровых гигантов и становлением новой версии государственно-монополистического капитализма. Накладываясь на прогрессирующий разрыв в доходах, цифровое неравенство расширяет пропасть между богатыми и бедными и способствует формированию пирамидальной структуры общества, где место в социальной иерархии определяется возможностью создания, использования и коммерциализации современных информационно-коммуникационных технологий. Фундаментальные изменения на рынке труда, обусловленные роботизацией и расширяющимся применением искусственного интеллекта, несут с собой угрозу появления огромного слоя «невостребованных людей». Это означает, что в отличие от большинства общественных моделей, существовавших в XX в., цифровое общество не будет инклюзивным, что, в свою очередь, скажется на его стабильности. Серьезными последствиями грозит и наметившаяся трансформация общества потребления в общество развлечения. Сопряжен-

ные с этой трансформацией процессы чреваты культурным регрессом человечества и ставят под удар основы человеческой цивилизации в том виде, в котором она сложилась за несколько тысячелетий своей истории.

Ключевые слова: цифровое общество, цивилизационный переход, социальное неравенство, цифровое неравенство, ответственность элит, общество развлечения, новое варварство

**Особенности
текущего
цивилизаци-
онного транзита**

Переход к цифровому обществу порождает многочисленные неопределенности и связанные с ними вопросы о контурах ближайшего будущего человечества и направленности происходящих ныне экономических, политических и культурных изменений. Этот транзит, очевидно, не сводим лишь к смене технологических укладов и сопутствующих им общественных отношений. Масштаб, глубина и комплексность перемен, затрагивающих сами основания современного общества, указывают на то, что переход к цифровой эпохе носит цивилизационный характер, ибо меняются не только социальные отношения и коммуникации между людьми, но и образ жизни, система ценностей и мировосприятие большинства жителей планеты.

Подобно любой другой переходной эпохе, нынешняя вмещает в себя противоречия как прежнего, постепенно уходящего с исторической сцены общества, так и нового, еще только формирующегося. Как и в периоды прежних цивилизационных переходов, существующие социально-экономические проблемы и противоречия обостряются под воздействием новых технологических факторов, подрывающих сложившуюся социальную и профессиональную структуру общества и усугубляющих социальное неравенство. Особенно чувствительными для развитых обществ проблемами становятся прогрессирующий разрыв в доходах между наиболее богатыми и бедными слоями населения и сокращение и обеднение среднего класса, начавшиеся еще в «нулевые» годы. Это ведет к увеличению неравенства в самых разных сферах, включая образование, здравоохранение, культуру, досуг. В условиях все более явного экологического кризиса растет неравенство и в такой важнейшей для современного человека сфере, как доступ к здоровой среде обитания, где тоже начинает отчетливо проявляться деление общества на закрытую самодостаточную элиту и прочих.

В переходную к цифровому обществу эпоху влияние технологической революции и порождаемых ею социально-экономических процессов обостряет общественные противоречия, усиливает недовольство и сопротивление переменам со стороны традиционных групп и слоев, утрачивающих былое общественное положение и прежние доходы. Именно этим факторам принадлежит решающая роль в подъеме populistских партий, движений и политиков во многих развитых странах мира начиная со второй половины 2010-х годов. Неприятие глобализации, уничтожающей привычные общественные отношения и уклад

жизни, национальный эгоизм и приверженность традиционным ценностям в той или иной форме характерны для всех популистских движений, несмотря на все их разнообразие.

В условиях современности новый формат неожиданно приобрел еще один конфликт, зародившийся в прежние эпохи — времена колониализма и неоколониализма. Впрочем, переход его в иное качество лишь косвенно связан с цифровыми технологиями, разрушающими информационные перегородки между обществами и странами. Эти технологии, как и современная транспортная система, связывают нашу планету в единое мегаобщество, благодаря чему мир «сжимается», что заметно облегчает миграцию из неблагоприятных регионов и стран в благополучные.

Для стран Запада это обернулось «возвратной волной культурно-демографической экспансии постколониального мира»¹. Такому повороту событий способствовало сочетание нескольких факторов, в том числе дальнейшее развитие эгалитаристских тенденций, сокращение доли работоспособного населения и, главное, повышение проницаемости границ, создавшее условия для увеличения миграционных потоков. На фоне сохранения культурно-цивилизационных, а нередко и религиозных различий память о столетиях угнетения становится триггером для появлений новых разделительных линий и конфликтов в обществе. С одной стороны, запертые в социальных гетто этнические и религиозные меньшинства в странах Запада создают благоприятную среду для фундаментализма и религиозного радикализма². Тем самым в форме столкновения культур в современном мире воспроизводится старый конфликт между колонизаторами и «туземцами», переместившийся теперь на территорию бывших метрополий. При этом, как отмечает Жак Аттали, «высокоразвитые нации реагируют на варварство варварством, на страх — эгоизмом, на террор — репрессиями»³. С другой стороны, экспансия постколониального мира с его неизжитыми историческими и социально-психологическими травмами в соединении с новой волной эмансипации и эгалитаризма, затронувшей прежде всего различного рода меньшинства, приводит к появлению радикальных движений левого толка, классическим примером которых может служить движение *Black Lives Matter* (BLM) в США. По мнению идеологических оппонентов подобных движений, они насаждают в обществе единомыслие, упрощенное восприятие истории и культуры, отрицая такие фундаментальные основания западной цивилизации, как свобода мнений, нацеленность на поиск компромиссов и достижение баланса интересов. Традиционные либералы более осторожны в критике движений типа BLM, однако и они обвиняют их в ограничении академической свободы⁴. Иначе говоря, уходящие корнями в прошлое культурные расколы формируют новые политико-идеологические противоречия и конфликты.

Отличительная особенность нынешней эпохи состоит в том, что использование порожденных ею технологических инструментов откры-

вает перед недовольными новыми реалиями слоями невиданные возможности для социальной и политической мобилизации и отстаивания собственных интересов. Очевидно, в частности, что популистские движения первых десятилетий текущего столетия на Западе едва ли смогли бы в столь короткие сроки оформиться и достичь значительных успехов, если бы не интернет и социальные сети.

Но, обостряя и переформатируя прежние конфликты, переход человечества к цифровой эпохе порождает и новые тенденции и противоречия в общественном развитии. Да, появление «всемирного дворца информации» — интернета, несомненно, демократизирует человеческое общество. Благодаря ему каждый человек обретает голос, который теоретически могут услышать сотни тысяч, а то и миллионы людей по всему миру. Цифровые средства массовой коммуникации позволяют выстраивать внетерриториальные ассоциации на основе виртуального общения между людьми, открывают широкие перспективы для творческой самореализации индивидов, обеспечивают опции для повышения эффективности политических систем за счет совершенствования каналов обратной связи между властью и обществом и возможности проведения быстрых политических мобилизаций. По меткому замечанию Томаса Фридмана, мир становится все более «плоским»⁵, вследствие чего каждый индивид теоретически получает шанс стать социальным актором и в этом качестве влиять на политические решения.

⁵ Фридман 2015.

Однако, несмотря на весь свой демократизирующий потенциал, технологическая революция (во всяком случае, как видится с позиций сегодняшнего дня) не ведет к созданию более совершенного и справедливого общества. В дополнение к имеющимся возникают новые социальные неравенства, а процессы в экономике и социальной сфере, вызванные этой революцией, существенно затрудняют функционирование и развитие демократии. Тенденции, указывающие на то, что с точки зрения социальной справедливости, возможностей самореализации граждан и их политического участия формирующееся цифровое общество едва ли правомерно рассматривать в категориях прогресса, уже довольно подробно описаны в литературе⁶. Поэтому в настоящей статье я сосредоточу внимание на тех главных развилках, с которыми может столкнуться человечество в ходе начавшегося цивилизационного транзита.

⁶ См., напр. Цирель 2017; Харари 2020.

**Новый
монополизм
в экономике
и его последствия**

Экономическую основу цифрового общества составляет «капитализм цифровых платформ», который продуцирует монополизм нового уровня и качества, отличающийся от предшествующих своих разновидностей большей гибкостью и адаптивностью организационных форм и способов взаимодействия с внешней средой⁷. Возрастающая роль в экономике цифровых монополий, обладающих огромными финансовыми ресурсами и технологическими средствами воздействия на массовое сознание, позволяет им достигать фактически до каж-

⁷ Срничек 2020.

дого, навязать ему выгодные для них предпочтения, вкусы и модели поведения.

Новые цифровые технологии активно используются и политическими акторами — правительствами и политическими элитами, предоставляя в их распоряжение невиданные ранее инструменты манипулирования сознанием и поведением граждан и открывая перспективу установления тотального контроля над обществом. Данные процессы, хотя и с разной интенсивностью, идут как в автократиях, так и в демократических странах, где они способствуют выхолащиванию сути демократических процедур и развитию авторитарных тенденций в социальной и политической жизни. Актуальность нависшей над человечеством угрозы стала особенно очевидной в период пандемии COVID-19, когда всевозможные электронные свидетельства и паспорта, QR-коды и другие формы контроля над людьми с помощью цифровых технологий стали повседневной реальностью многих стран.

При этом отношения между цифровыми платформами и государственными структурами противоречивы и неоднозначны. С одной стороны, бюрократический аппарат обслуживает цифровую экономику, продвигая на уровне политических решений и ведомственного нормотворчества интересы цифрового лобби и одновременно потребляя его продукцию. С другой стороны, подчиненный статус вряд ли устроит политическую и бюрократическую элиты, для которых цифровая экономика является не более чем инструментом достижения их главных корпоративных целей — укрепления власти и расширения возможностей регулирования. Более того, прогрессирующая экспансия цифровых платформ, формирующих вокруг себя многопрофильные, многофункциональные и многоотраслевые экосистемы, прямо угрожает правительствам, ограничивая сферу их власти. Поэтому правительства воспринимают глобальные цифровые компании, фактически выстраивающие параллельную систему контроля над обществом поверх национальных границ, как конкурентов. В связи с этим корпорация профессиональных политиков и чиновничество, очевидно, попытаются ограничить влияние цифровых гигантов или даже подчинить их, поставив себе на службу. В демократических странах в борьбе за сохранение властной монополии правительства, стремясь заручиться поддержкой массовых слоев, активно продвигают идею «справедливого» налогообложения цифровых гигантов, причем в некоторых случаях обсуждается даже возможность проведения в отношении них единой налоговой политики на международном уровне.

Схватка между правительствами и цифровыми монополиями с высокой долей вероятности завершится компромиссом — срачиванием мощи государства с экономическим и интеллектуальным потенциалом цифровых гигантов, то есть приведет к новой версии государственно-монополистического капитализма, который вряд ли будет отличаться демократичностью и обилием социальных лифтов.

«Капитализм цифровых платформ» предопределяет новую структуру общества, принимающую форму пирамиды, наверху которой находятся создатели и владельцы креативных продуктов (зачастую это одни и те же люди), далее следуют те, кто их обслуживает, и, наконец, все остальные. В процессе складывания такой структуры резко увеличивается разрыв в доходах между бенефициарами «цифровых» активов и другими группами населения. Как отмечает Григорий Явлинский, «это неравенство в самых различных его проявлениях в сочетании с фатальным ощущением его неотвратимого нарастания и непреодолимости, постепенно становящееся едва ли не символом наступающей новой эпохи — „новой нормальности“»⁸.

⁸ Явлинский 2021: 24.

Одно из важнейших социальных последствий утверждения «капитализма цифровых платформ» — широкое распространение такого многомерного явления, как цифровое неравенство, анализу которого посвящена обширная литература⁹. Речь отнюдь не идет о простом воспроизводстве привычных социальных неравенств в цифровой среде — напротив, порождаемые данной средой разрывы оказывают на дифференциацию общества усиливающее воздействие, углубляя существующие неравенства и порождая новые¹⁰. Помимо традиционных образовательных, возрастных, гендерных, языковых различий здесь начинает работать и совокупность специфических факторов, связанных с наличием доступа к интернету, мотивацией и уровнем профессионального использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включенностью в сетевые сообщества и ролью в них, участием в создании и коммерциализации контента и т.п.¹¹ Результатом включения этих факторов становится усиление неравенства между развитыми и развивающимися странами (существенно уступающими первым с точки зрения доступа к ИКТ), а также между творцами и хозяевами виртуального мира, с одной стороны, и обычными пользователями («юзерами»), с другой. Тем самым в традиционное неравенство между управляющими и управляемыми вносится новое качество, когда первые выступают в роли создателей и владельцев цифровых бизнесов, а вторые служат источником их богатств и объектом манипуляции. Неравенство в обществе приобретает и культурное измерение как разрыв между теми, кто умеет использовать новые возможности, предоставляемые современными ИКТ, и поэтому существует в новой экономике и новой реальности, и теми, кто в силу возраста, отсутствия знаний и навыков ограничен в доступе к ним.

⁹ См., напр. Ачагуа 2017; Добринская и Мартыненко 2021.

¹⁰ Ragnedda and Muschert 2016.

¹¹ Van Dijk 2013.

В последние годы внимание исследователей и политиков все больше фокусируется на проблеме наращивания «цифрового капитала» как интегративного показателя преодоления трех уровней цифрового неравенства — в доступе, профессиональной компетенции и умении извлекать социальные преимущества¹². Однако практических результатов в ослаблении социальных неравенств эти усилия пока не принесли.

¹² Вартанова и Гладкова 2021.

**Отказ
от социальной
инклюзивности**

Содержание перехода к цифровой эпохе не ограничивается углублением прежних и появлением новых противоречий. Развертывающиеся на наших глазах процессы бросают вызов самим основам, на которых строилась человеческая цивилизация на протяжении предшествующих веков, порождая целый ряд фундаментальных проблем. Пути решения их даже в общих чертах пока не просматриваются ни на теоретическом уровне, ни тем более на практике. Поэтому на сегодняшний день задача сводится к тому, чтобы провести аудит этих проблем и попытаться адекватно отразить их суть.

Первая проблема — это сохранение стабильного, внутренне сбалансированного и сплоченного общества, базирующегося на общественном договоре. Начиная со второй половины XIX в. усилия общественно-политической мысли, политических сил и массовых движений различной направленности были нацелены на создание такой общественной и государственной структуры, которая бы отражала интересы как можно более широкого спектра слоев и групп. В XX в. все реализованные политические проекты — от либеральных демократий до коммунистических, корпоративистских и фашистских режимов — стремились стать максимально инклюзивными в социальном плане. И в этом заключалось их отличие от монополистического капитализма конца XIX — начала XX в., эпохи империалистических войн, колониальных империй и мира, созданного, по словам Эрика Хобсбаума, «буржуазией и для буржуазии»¹³. В данном контексте социальное государство, опирающееся на общественный договор, следует признать главным достижением политики инклюзивности. Его экономическую основу составило общество потребления.

¹³ Хобсбаум 1999: 12.

Становление цифрового общества ведет к постепенному демонтажу социального государства. Но этим дело не ограничивается. Роботизация и расширяющееся применение искусственного интеллекта вызывают фундаментальные изменения на рынке труда, сопровождающиеся высвобождением трудовых ресурсов, которые в принципе не могут быть задействованы в экономике. По мнению израильского историка и футуролога Юваля Харари, углубление данных тенденций повлечет за собой усиление нового правящего слоя: «По мере вытеснения алгоритмами людей с рынка труда богатство и власть будут концентрироваться в руках тонкого слоя элиты — владельцев всемогущих алгоритмов. Социальное и политическое неравенство достигнет беспрецедентного уровня»¹⁴. Одновременно остро встанет проблема социальной интеграции оказавшихся невостребованными профессиональных групп. Согласно современным прогнозам, уже в ближайшие десятилетия исчезнут десятки массовых профессий. Итогом этого процесса станет радикальное изменение структуры общества. «В XXI веке, — отмечает Харари, — мы можем стать свидетелями появления многомиллионного неработающего класса: людей, лишенных какой бы то ни было экономической, политической и даже культурной ценности, никак не содействующих процветанию, силе и славе общества. Этот „беспольз-

¹⁴ Харари 2020: 377.

¹⁵ Там же: 380—381.

ный класс“ будет не просто неработающим — он будет неработоспособным»¹⁵. Введение базового дохода, в котором некоторые западные управленцы и экономисты видят выход из положения, решить эту проблему не в состоянии. Ведь речь идет о разрушении созданной в развитом индустриальном обществе модели, основанной на сопряженности интересов различных классов и социальных групп, их сотрудничестве и взаимодействии, что в свою очередь несет в себе угрозу устойчивости социумов.

¹⁶ Шваб и Маллерет 2020: 25.

Нельзя сказать, что в современных правительственных и деловых кругах игнорируется острота этого вызова. Так, отмечая рост социального неравенства и безработицы в мире, усилившихся в период пандемии, утрату миллионами людей жизненных перспектив, авторы нашумевшего доклада «COVID-19: Великая перезагрузка», подготовленного в преддверии Всемирного экономического форума в Давосе 2021 г., Клаус Шваб и Тьерри Маллерет подчеркивают, что «хотя природный и социальный капитал... трудно измерить, они имеют решающее значение для социальной сплоченности и экологической устойчивости страны, которые нельзя недооценивать»¹⁶. Впрочем, каких-либо практических предложений относительно того, как добиться этой сплоченности и устойчивости, пока не просматривается. Симптоматично, что те же Шваб и Маллерет возлагают свои надежды не на новые институциональные механизмы и изменение экономического и политического порядка, а на постепенные сдвиги в области ценностей. По их словам, «если мы коллективно признаем, что помимо определенного уровня благосостояния, определяемого ВВП на душу населения, счастье в большей степени зависит от нематериальных факторов, таких как доступное и надежное здравоохранение, социальные блага... тогда такие разные ценности, как уважение к окружающей среде, ответственное питание, сочувствие или щедрость, могут получить распространение и постепенно стать характеристикой новых социальных норм»¹⁷.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цирель 2017: 56.

Появление огромного слоя «ненужных людей» неизбежно скажется на уровне и качестве участия граждан в социальной и политической жизни. Не исключено появление «новых луддитов»¹⁸, уничтожающих роботов, а также выдвижение на первый план требований увеличения базового дохода. Указанные процессы обернутся фактическим сужением сферы действия одного из фундаментальных прав человека — свободы выбора, поскольку содержательно сам выбор будет сведен к минимуму.

Еще одна особенность формирующегося цифрового общества, знаменующая его разрыв с предшествующей цивилизацией, — постепенная девальвация труда как непреложной ценности. В реалиях цифрового мира, прогнозирует Сергей Цирель, «образцовый мужчина из массовых сословий XIX—XX веков — молчаливый интроверт с золотыми руками, физически сильный, выносливый и трудолюбивый, верный своей семье и профессии, в странах первого мира окажется столь же и даже более ненужным типом, чем говорливый бездельник и мот. Такие

¹⁹ Там же: 55—56.

люди не будут голодать и бедствовать, получая различные индивидуальные или всеобщие пособия, но будут иметь низкий социальный статус и доходы, заметно меньшие медианных»¹⁹. Иначе говоря, в цифровую эпоху с высокой долей вероятности утратят свою значимость такие основополагающие ценности современной цивилизации, как равенство, солидарность и труд. И было бы большим упрощением рассматривать общества без этих ценностей как новую нормальность, увязывая существование в них огромного слоя «лишних людей» лишь с мировоззрением и поведенческими установками уходящих классов. Подобного рода представления и базирующееся на них радикальное реформаторство приведут не к созданию стабильных, внутренне сбалансированных и динамично развивающихся обществ, а скорее к масштабным гражданским и политическим конфликтам и повсеместному применению насилия.

Размывание ответственности

Сетевизация политики и девальвация экспертных оценок, ставшие следствием широкого распространения цифровых технологий на фоне нарастания кризисных явлений в современном обществе, создали благоприятные условия для подъема популистских движений во многих странах. Сам факт неожиданного выдвижения на первые роли в большой политике персон и групп, сумевших оказаться в нужное время в нужном месте, свидетельствует о глубоком кризисе демократических систем, где рекрутирование во власть сопряжено с прохождением многочисленных фильтров при соблюдении норм и правил, присущих профессиональной политической деятельности. При этом после прихода популистов к власти, как правило, быстро выясняется, что они не способны решить ни одной проблемы, что усиливает недоверие граждан к существующим политическим институтам, углубляя их кризис.

Обретение правительствами в результате технологической революции новых эффективных средств манипулирования общественным сознанием и тотальной слежки за населением увеличивает их автономность по отношению к обществу, независимость от него. Потенциальное сращивание власти правительств с экономической мощью, интеллектуальным и политическим влиянием цифровых монополий в рамках новой модели государственно-монополистического капитализма лишь усилит эту тенденцию, особенно отчетливо проявившуюся в период пандемии. Уже сегодня результатом ее развития становится фактическое освобождение власти от обязательств перед гражданами, в свою очередь оборачивающееся падением доверия к выборам как инструменту контроля над политическими элитами. Отсюда — подъем протестного движения, охвативший как развитые, так и развивающиеся страны. Несмотря на глубокие идейные и социальные различия, разницу в конкретных целях и методах борьбы, эти движения объединяет стремление заставить правительства прислушаться к мнению масс и учесть его в проводимой политике.

Таким образом, разрушение традиционных политических иерархий под влиянием сетевизации политики и усиление автономности правительств в ходе технологической революции подрывают одну из основ демократических политических систем — ответственность власти перед обществом. И здесь трудно не согласиться с Явлинским, прогнозирующим глубокий кризис традиционных политических конкурентных моделей в новых условиях. «Дело в том, — отмечает он, — что, несмотря на существенное значение „больших денег“, они все-таки базировались на открытой и рациональной повестке и предполагали ответственность политиков перед элитами (пресловутыми „высшими классами“). Сегодня же все меняется; в значительной степени уже поменялось, что-то еще будет меняться, и, главное, пока непонятно, какие формы все это примет уже в ближайшем будущем. Но вернуться в прошлое, похоже, уже не удастся»²⁰. Размывание ответственности власти усиливает риск принятия несбалансированных решений и общего снижения качества управления со всеми вытекающими отсюда последствиями.

²⁰ Явлинский 2021:
122.

Культурное опрошение?

Помимо углубления старых и появления новых социальных неравенств и размывания ответственности политических элит перед гражданами, переход к цифровой эпохе означает и новую культурную развилку в истории человечества, связанную с постепенной трансформацией общества потребления в общество развлечения, главными ценностями которого являются комфорт здесь и сейчас и постоянная смена впечатлений. Платой за обеспечение комфорта для миллионов людей (по крайней мере, в продвинутых странах) становится отказ от развития.

Вследствие повсеместного распространения социальных сетей и мессенджеров происходит упрощение языка, утверждается доминирование видеокультуры, апеллирующей к эмоциям и не побуждающей к рациональному восприятию информации. Возникают условия, при которых рефлексия как стремление к осмысленному, критическому восприятию и пониманию происходящих событий становится невозможной. В этой ситуации складывавшиеся столетиями ценности уступают место суррогатам, имитационным сущностям. Виртуальные игры заменяют самореализацию личности, эмансипация человека от себя самого в духе новейших эгалитаристских леволиберальных идей и движений — борьбу за равенство. Примитивизация контента общественных и межличностных коммуникаций вкупе с активной трансляцией через интернет ценностей безудержного потребления и развлечения приводит к культурному регрессу, опрошению большинства человечества. Это большинство утрачивает способность к критическому осмыслению окружающей действительности, теряет наработанные веками навыки межличностного общения, утрачивает мотивацию к саморазвитию.

При этом сохраняется культурное меньшинство, производящее смыслы и определяющее цели развития, создающее новую реальность.

Ценностью для него является не погружение в виртуальную реальность, а прямое человеческое общение. Как отмечает автор статьи с характерным названием «Человеческое общение — это предмет роскоши» Нелли Боулз, образ жизни, основанный на таком общении, превращается в привилегию высших слоев. В свою очередь преимущественное потребление цифровых услуг становится уделом бедных²¹.

²¹ Bowles 2019.

Возникает культурный разрыв между этим меньшинством, воспринимающим мир во всей его сложности и многообразии (которое, по-видимому, в значительной мере пересекается с обладателями больших денег и власти), и «опростившимся» большинством, стремящимся к ничем не ограниченному потреблению достижений современной цивилизации, преимущественно в их виртуальной форме. Отталкиваясь от идей Хосе Ортеги-и-Гассета²², этот разрыв можно интерпретировать как противоречие между носителями культуры и «новыми варварами», обязанными своим появлением развитию цифровой цивилизации. Действуя в логике общества потребления, эти «варвары», несомненно, будут постоянно требовать расширения ассортимента и качества потребляемых ими развлечений. Таким образом, логика капитализма, двигателем которого выступает рост массового потребления, сохранится, но сфокусируется на сфере цифровых услуг.

²² См. Ортега-и-Гассет 2017: 105.

**Возможные
тенденции:
попытка
прогноза**

Очевидно, что по мере транзита к цифровому обществу уже в ближайшие годы могут произойти заметные изменения в идейно-политическом ландшафте развитых стран, конфигурации существующих в них политических сил и течений. Технократический оптимизм адептов цифрового общества, скорее всего, найдет политическое представительство в новых формах либерального прогрессизма, ставящего во главу угла содействие технологическому прогрессу, который, с точки зрения его сторонников, естественным образом и неизбежно приведет к утверждению более совершенной и справедливой модели общественного устройства.

Серьезный импульс к возрождению получают течения, тяготеющие к проблематике социальной справедливости, левым и социалистическим идеям. Перед ними откроется широкое поле для политической активности, приоритетное место в которой, судя по всему, займет борьба за ограничение власти и могущества цифровых монополий, преодоление различных форм цифрового неравенства.

Но наибольшую трансформацию, наверное, претерпит консерватизм как идейно-политическое течение. Ведь отличительная черта консерватизма заключается в том, что его содержательное наполнение во многом определяется особенностями исторического развития конкретной страны и региона, их политическими и культурными традициями. Не случайно русский консерватизм (как дореволюционный, так и постсоветский) заметно отличается от европейского, а тот, в свою очередь, от американского. В эпоху перехода к цифровому обществу возникает

реальная возможность глобализации консервативной повестки. Сохраняя преемственность по отношению к предшествующим формам консерватизма, который во всех своих изводах апеллирует к традиционным ценностям, консерватизм цифровой эпохи, с одной стороны, универсализирует понятие традиционных ценностей, а с другой — адаптирует их к современным реалиям. В качестве ценностных ориентиров консервативной политики могут выступить: обеспечение свободы выбора и права на прямое человеческое общение, включая сохранение языка и культурного наследия; создание условий для творческой самореализации личности; сохранение культурного разнообразия и учет интересов носителей разных культур.

«Зеленая повестка» может быть успешно встроена в программы и политическую практику как «цифровых левых» (на основе требования равного доступа к качественной окружающей среде), так и консерваторов (ибо защита природы и использование природосберегающих технологий, несомненно, могут рассматриваться как важнейшие составляющие непреложной традиционной ценности сохранения естественной среды обитания человека и межличностных коммуникаций). При этом политические структуры «зеленых» партий и движений могут сохранить свою организационную самостоятельность, адаптировав программные установки к новому политическому ландшафту.

Впрочем, говоря об исторических развилках в связи с переходом человечества к цифровому обществу, следует учитывать, что уже в ближайшие десятилетия они могут кардинально измениться под воздействием нового этапа научно-технической революции, который будет связан с биохимией, созданием новых материалов и энергетикой, основанной на возобновляемых источниках. Это позволит человечеству побороть ныне неизлечимые болезни, резко увеличить продолжительность жизни, достигнуть более высокого уровня развития экономики и качественного улучшения природной среды. Очевидно, что новые социальные и экономические реалии обусловят иную конфигурацию драйверов социального и технологического прогресса. Едва ли могущественному цифровому лобби удастся сохранить монополю лидирующие позиции в этом процессе. Скорее всего, эти позиции займут иные отраслевые лобби, порожденные новым этапом НТР. Такого рода изменения неоднократно бывали в истории, причем совсем недавней. В частности, на смену угольно-металлургическому лобби, оказывавшему ключевое влияние на внутреннюю и внешнюю политику развитых стран в конце XIX — первой половине XX в., пришли нефтяники и ВПК. А вот надеждам некоторых лобби на всеохватывающее лидерство, на право определять лики человеческой цивилизации не суждено было сбыться. Достаточно вспомнить бытовавшие в 50—60-е годы прошлого столетия представления об универсальной преобразующей роли атомной промышленности, а также о ключевом вкладе в развитие человечества, который уже в ближайшем будущем внесет освоение космоса. По сути, это очень близко к широко распространенному сегодня мне-

нию, что «цифра может все». Так что новый этап научно-технической революции может принести с собой и иные исторические развилки, и потенциально иные транзиты. Но это уже другая тема.

Заключение

Представленный выше краткий обзор основных вызовов и противоречий, обусловленных становлением цифрового общества, позволяет очертить контуры политической повестки, с которой так или иначе будут вынуждены иметь дело правительства и различные политические силы в развитых индустриальных странах. Прежде всего им придется заняться поиском инструментов, которые позволили бы уравновесить, сбалансировать мощь возникающего государственно-монополистического капитализма 2.0, ибо без этого социальная и политическая демократия, поле реализации прав человека будут неуклонно сужаться, уступая место постдемократии (в терминологии Колина Крауча²³) или откровенному авторитаризму. Вторая проблема: как сохранить ответственность элит в условиях, когда призванные обеспечивать ее политические механизмы постепенно разрушаются, и каким критериям должна отвечать эта ответственность? Ведь ее отсутствие неизбежно повышает уровень конфликтности и разобщенности в обществе, подталкивает его к хаосу. Наконец, третья проблема, имеющая разные общественные измерения, — это сохранение и трансляция культуры. Какие слои и группы должны быть ее охранителями и носителями? Останется ли она привилегией состоятельного и образованного меньшинства, или возможно распространить ее достижения на более широкие слои? На сегодняшний день эти вопросы не имеют ответа, но в не столь уж отдаленной перспективе правительства и общества встанут перед необходимостью их решать. Вместе с тем уже сейчас с определенной долей уверенности можно прогнозировать, что происходящие в обществе социальные и технологические изменения обусловят серьезную трансформацию ключевых идейно-политических течений, существенно изменят существующий партийно-политический ландшафт. Но и эти перемены могут оказаться лишь предвестниками иных исторических развилки, сопряженных с новым, постцифровым этапом научно-технической революции.

²³ Крауч 2010: 36—37.

Библиография

- Аттали Ж. (2014) *Краткая история будущего*. СПб.: Питер.
- Вартанова Е.Л. и А.А.Гладкова. (2021) «Цифровое неравенство, цифровой капитал и цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений» // *Вестник МГУ. Серия 10: Журналистика*, № 1: 3—29.
- Добринская Д.Е. и Т.С.Мартыненко. (2021) «Цифровой разрыв и цифровое неравенство в условиях цифровизации социума» // Осипова Н.Г., ред. *Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России*. М.: Перспектива: 149—183.

Ионин Л.Г. (2014) *Парад меньшинств*. СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис.

Крауч К. (2010) *Постдемократия*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Некlessа А.И. (2020) «Постсовременность как постколониальность: метаморфозы цивилизационного транзита» // *Приложение к журналу «ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия»*, осень. URL: http://www.intelros.ru/pdf/sayt_neklessa_konvent.pdf (проверено 20.07.2022).

Ортега-и-Гассет Х. (2017) *Восстание масс*. М.: АСТ.

Срничек Н. (2020) *Капитализм платформ*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Фридман Т. (2014) *Плоский мир 3.0: Краткая история XXI века*. М.: АСТ.

Харари Ю.Н. (2020) *Ното Deus: Краткая история будущего*. М.: Синдбад.

Хобсбаум Э. (1999) *Век империи: 1875—1914*. Ростов-на-Дону: Феникс.

Цирель С.В. (2017) «Экономика ближайшего будущего» // *Terra Economics*, т. 15, № 1: 44—67.

Шваб К. и Т.Маллерет. (2020) *COVID-19: Великая перезагрузка*. URL: <https://pravda.red/download/covid-19-velikaya-perezagruzka.pdf> (проверено 2.08.2022).

Явлинский Г. (2021) *Политическая энтропия: Цифровые технологии и глобализация беспорядка*. М.: Медиум. URL: <https://www.yabloko.ru/files/Entropy.pdf> (проверено 20.07.2022).

Acharya B.B. (2017) «Conceptual Evolution of the Digital Divide: A Systematic Review of the Literature over a Period of Five Years (2010—2015)» // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, no. 1: 41—74.

Bowles N. (2019) «Human Contact Is Now a Luxury Good» // *The New York Times*, 23.03. URL: <https://www.nytimes.com/2019/03/23/sunday-review/human-contact-luxury-screens.html> (accessed on 12.07.2022).

McWhorter J. (2020) «Academics Are Really, Really Worried About Their Freedom» // *The Atlantic*, 1.09. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/09/academics-are-really-really-worried-about-their-freedom/615724/> (accessed on 27.07.2022).

Ragnedda M. and G.Muschert. (2016) «Theorizing Digital Divides and Digital Inequalities» // Servaes J. and T.Oyedemi, eds. *Social Inequalities, Media and Communication: Theory and Roots*. London: Rowman & Littlefield: 23—35.

Van Dijk J.A.G.M. (2013) «A Theory of Digital Divide» // Ragnedda M. and G.Muschert, eds. *The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective*. London: Routledge: 29—52.

A. V. Ryabov
**ABOUT CONTRADICTIONS
 AND HISTORICAL FORKS
 OF THE TRANSITION
 TO A DIGITAL SOCIETY**

Andrei V. Ryabov — Ph.D. in History; Leading Researcher at the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies; The Primakov Institute of World Economics and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). E-mail: andreyr@imemo.ru.

Abstract. The article is devoted to the review of the main economic, social, political and cultural problems and contradictions that arise in the process of the transition to a digital society. According to the author, this transition is civilizational in nature, affecting not only economy and social relations, but also the way of life, the system of values and the worldview of most inhabitants of the planet.

The article shows that, as in any other transitional era, in the modern terms, new problems are intertwined with the old ones, strengthening conflicts in the society and engendering uncertainty about the future. The economy of the “capitalism of digital platforms” is much more monopolized than the capitalist economy of the 20th century. Digital monopolies are becoming real competitors of governments, and it is highly plausible that the struggle for power between them will ultimately result in the merge of the power of the state with the economic and intellectual potential of digital giants and the formation of a new version of the state-monopoly capitalism. Coupled with the increasing income gap, digital inequality expands the abyss between the rich and the poor and contributes to the formation of the pyramidal structure of society, where the place in the social hierarchy is determined by the possibility of creating, using and commercializing modern information and communication technologies. The fundamental changes in the labor market due to robotization and the expanding use of artificial intelligence carry the threat of the appearance of a huge layer of “non-demanded people”. This means that, unlike most societal models that existed in the 20th century, the digital society will not be inclusive, which, in turn, will affect its stability. The looming transformation of the consumption society into the entertainment society will also have serious implications. The processes associated with this transformation are fraught with the cultural retrogression of mankind and jeopardize the foundations of the human civilization in the form that took several millennia to develop.

Keywords: digital society, civilizational transition, social inequality, digital inequality, elite responsibility, entertainment society, new barbarism

References

- Acharya B.B. (2017) “Conceptual Evolution of the Digital Divide: A Systematic Review of the Literature over a Period of Five Years (2010–2015)” // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, no. 1: 41–74.
- Attali J. (2014) *Kratkaja istorija budushchego* [Une brève histoire de l’avenir]. St Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Bowles N. (2019) “Human Contact Is Now a Luxury Good” // *The New York Times*, 23.03. URL: <https://www.nytimes.com/2019/03/23/sunday-review/human-contact-luxury-screens.html> (accessed on 12.07.2022).
- Crouch C. (2010) *Postdemokratija* [Post-Democracy]. Moscow: Izdatel’skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Dobrinskaya D.E. and T.S.Martynenko. (2021) “Tsifrovoy razryv i tsifrovoe neravenstvo v usloviyakh tsifrovizatsii sotsiuma” [Digital Divide and Digital Inequality in the Conditions of Digitalization of Society] // Osipova N.G., ed. *Sotsial’noe neravenstvo v sovremennom mire: novye formy i osobennosti ikh projavlenija v Rossii* [Social Inequality in the Modern World: New Forms and Features of Their Manifestation in Russia]. Moscow: Perspektiva: 149–184. (In Russ.)
- Friedman Th. (2014) *Ploskij mir 3.0: Kratkaja istorija 21 veka* [The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Harari Yu.N. (2020) *Homo Deus: Kratkaja istorija budushchego* [Homo Deus: A Brief History of Tomorrow]. Moscow: Sindbad. (In Russ.)
- Hobsbawm E. (1999) *Vek imperii: 1875–1914* [The Age of Empire, 1875–1914]. Rostov-on-Don: Fenix. (In Russ.)
- Ionin L.G. (2014) *Parad men’shinstv* [Minority Parade]. St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Gnozis. (In Russ.)
- McWhorter J. (2020) “Academics Are Really, Really Worried About Their Freedom” // *The Atlantic*, 1.09. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/09/academics-are-really-really-worried-about-their-freedom/615724/> (accessed on 27.07.2022).
- Neklessa A.I. (2020) “Postsovremennost’ kak postkolonial’nost’: metamorfozy tsivilizatsionnogo tranzita” [Postmodernity as Postcoloniality: Metamorphoses of Civilizational Transition] // *Prilozhenie k zhurnal’u “INTELROS — Intellektual’naja Rossia”* [Appendix to the Journal “INTELROS — Intellectual Russia”], Autumn. URL: http://www.intelros.ru/pdf/sayt_neklessa_konvent.pdf (accessed on 20.07.2022). (In Russ.)
- Ortega y Gasset J. (2017) *Vosstanie mass* [La rebelión de las masas]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Ragnedda M. and G.Muschert. (2016) “Theorizing Digital Divides and Digital Inequalities” // Servaes J. and T.Oyedemi, eds. *Social Inequalities*,

Media and Communication: Theory and Roots. London: Rowman & Littlefield: 23–35.

Schwab K. and Th.Malleret. (2020) *COVID-19: Velikaja Perezagruzka* [COVID-19: The Great Reset]. URL: <https://pravda.red/download/covid-19-velikaya-perezagruzka.pdf> (accessed on 2.08.2022). (In Russ.)

Srniczek N. (2020) *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism]. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Tsirel S.V. (2017) “Ekonomika blizhajshego budushchego” [The Economy of the Near Future] // *Terra Economics*, vol. 15, no. 1: 44–67. (In Russ.)

Van Dijk J.A.G.M. (2013) “A Theory of Digital Divide” // Ragnedda M. and G.Muschert, eds. *The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective*. London: Routledge: 29–52.

Vartanova E.L. and A.A.Gladkova. (2021) “Tsifrovoe neravenstvo, tsifrovoj capital i tsifrovaja vkluchennost': dinamika teoreticheskikh podkhodov i politicheskikh reshenij” [Digital Divide, Digital Capital, Digital Inclusion: Dynamics of Theoretical Approaches and Political Decisions] // *Vestnik MGU. Serija 10: Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], no. 1: 3–29. (In Russ.)

Yavlinsky G. (2021) *Politicheskaja entropija: Tsifrovye tekhnologii i globalizatsija besporjadka* [Political Entropy: Digital Technologies and the Globalization of Disorder]. Moscow: Medium. URL: <https://www.yabloko.ru/files/Entropy.pdf> (accessed on 20.07.2022). (In Russ.)